

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ТАРАНЕНКО ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 19554/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 мая 2014 года

По делу Тараненко против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая палатой в составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Председателя,*

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Мирьяна Лазарова Траковская,

Паулу Пинту ди Албукерки,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судей,*

и Сёрен Нильсен, *секретаря секции,*

посовещавшись при закрытых дверях 8 апреля 2014 года,
вынес в указанный день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№19554/05) против Российской Федерации, поданной в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой России г-жой Евгенией Владимировной Тараненко (далее – «заявитель») 12 апреля 2005 года.

2. Заявителя представляла г-жа Е.Липцер, практикующая в Москве адвокат. Правительство России (далее – «правительство») представлял г-н Г.Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель полагала, в частности, что она содержалась под стражей в бесчеловечных условиях, что ее заключение было чрезмерно длительным и что обвинение и осуждение за участие в протестной акции против политики президента нарушило ее права на свободу выражения мнения и свободу собраний.

4. 16 марта 2009 года жалоба была коммуницирована правительству.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родилась в 1981 году и проживает в Москве.

А. События, приведшие к задержанию заявителя и предъявлению обвинения

1. Сообщения СМИ

6. Средства массовой информации сообщали, что 14 декабря 2004 года группа примерно из сорока членов Национал-большевистской партии (далее также «партия») захватила приемную Администрации президента в Москве и заперлась в помещении на первом этаже.

7. Они требовали встречи с президентом, заместителем руководителя Администрации президента г-ном Сурковым, советником президента по экономическим вопросам г-ном Илларионовым. Сквозь окно они размахивали плакатами с надписью «Путин, уйди!» и раздавали листовки с обращением к президенту, где перечислялись десять случаев, когда он не смог защитить Конституцию России, и содержался призыв к его отставке.

8. Захватившие помещение удерживали его в течение полутора часов, пока полиция не взломала двери. Во время задержания они не оказывали сопротивления властям.

2. Версия заявителя о событиях

9. По словам заявителя, она не состояла в Национал-большевистской партии. Она писала диссертацию по социологии о способах действия радикальных политических движений в современной России. 14 декабря 2004 года один из членов Национал-большевистской партии рассказал ей о прямой акции в здании Администрации президента, запланированной на этот день. Она пришла понаблюдать за протестной акцией с целью сбора информации для диссертации. Она не принимала участия в захвате помещения, а только наблюдала за акцией, делала заметки и фотографии.

3. Версия обвинения

10. В обвинительном заключении относительно заявителя указывается, что в 12.30 14 декабря 2004 года сорок членов партии осуществили несанкционированное проникновение в приемную зону здания, занимаемого Администрацией президента Российской Федерации. Часть из них оттеснила охрану у входа и заняла комнату № 14 на первом этаже. Они закрылись в комнате, заблокировали дверь тяжелым сейфом и впустили остальных членов группы через окно.

11. До прибытия полиции члены партии, включая заявителя, размахивали плакатами сквозь окно, бросали листовки и выкрикивали лозунги с призывом к отставке президента. Они оставались в помещении около часа, разломали офисную мебель и оборудование, нанесли повреждение стенам и потолку.

В. Уголовное разбирательство в отношении заявителя*1. Решения относительно продления срока содержания под стражей*

12. 14 декабря 2004 года заявитель была задержан.

13. 16 декабря 2004 года Хамовнический районный суд Москвы принял постановление об аресте заявителя на основании того, что она подозревается в особо тяжком уголовном преступлении, может скрыться, совершить новое преступление, оказать влияние на свидетелей или воспрепятствовать следствию каким-либо другим способом.

14. 22 декабря 2004 года заявителю было предъявлено обвинение в попытке насильственного захвата власти (статья 278 Уголовного кодекса) и умышленном уничтожении и повреждении чужого имущества в общественном месте (статьи 167 § 2 и 214 УК).

15. В этот же день заявитель ходатайствовала об освобождении, ссылаясь на отсутствие криминального прошлого, наличия постоянного жилища в Москве и постоянного места работы в качестве школьной учительницы.

16. 24 декабря 2004 года следователь отказал в удовлетворении ходатайства на основании тяжести предъявленного обвинения, отсутствия постоянной регистрации в Москве и опасения того, что она может скрыться.

17. 7 февраля 2005 года Замоскворецкий районный суд Москвы продлил срок содержания под стражей заявителя до 14 апреля 2005 года, указав на сохранение оснований, по которым была ранее применена эта мера пресечения, и отсутствие оснований для ее изменения.

18. 15 февраля 2005 года обвинение было изменено на участие в массовых беспорядках – преступление, предусмотренное статьей 212 § 2 Уголовного кодекса.

19. 8 апреля 2005 года Замоскворецкий районный суд Москвы продлил срок содержания под стражей до 14 июля 2005 года на основании тяжести предъявленного обвинения, опасения того, что она может скрыться или помешать следствию.

20. 7 июня 2005 года расследование было закончено и дела тридцати девяти человек, включая заявителя, были переданы в суд.

21. 30 июня 2005 года Тверской районный суд Москвы провел предварительные слушания. Он отказал в удовлетворении ходатайств подсудимых об освобождении из-под стражи. Суд отметил, что он принял во внимание личности подсудимых, их молодой возраст, слабое здоровье, семейное положение и стабильный образ жизни. Вместе с тем, ссылаясь на тяжесть предъявленных обвинений, он установил, что «материалы дела дают достаточно оснований полагать,

что, получив свободу, подсудимые скроются или будут воздействовать на суд». Он поэтому постановил, что все подсудимые должны остаться под стражей. 17 августа 2005 года Московский городской суд отказал в удовлетворении кассационных жалоб нескольких подельников заявителя.

22. 27 июля 2005 года заявитель и другие подсудимые подали ходатайства об освобождении из-под стражи. 27 июля 2005 года Тверской районных суд отказал в удовлетворении этих ходатайств, отметив, что содержание под стражей является законным и оправданным. В частности, он отметил, что их содержание под стражей было продлено постановлением суда от 30 июня 2005 года, и в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом это постановление действительно в течение шести месяцев. 5 октября 2005 года Московский городской суд оставил решение Тверского районного суда без изменений.

23. 3 августа 2005 года заявительница и другие подсудимые подали новые ходатайства об освобождении из-под стражи. 10 августа 2005 года Тверской районных суд отказал в удовлетворении этих ходатайств. Он постановил:

“Суд принимает во внимание довод защиты о том, что при определении меры пресечения существенным является индивидуальный подход к ситуации каждого подсудимого.

Рассматривая основания, по которым ... суд принимал решение о содержании и продлении содержания под стражей всех подсудимых без исключения, ... суд отмечает, что эти основания сохраняются и на сегодня. Поэтому, учитывая состояние здоровья, семейное положение, возраст, профессию и личности всех подсудимых, а также личные гарантии, данные некоторыми частными лицами и приложенные к материалам дела, суд приходит к заключению, что в случае освобождения из-под стражи каждый из заявителей может скрыться или каким-либо образом воспрепятствовать правосудию...

По мнению суда, в этих обстоятельствах с учетом тяжести обвинения нет оснований для изменения или отмены меры пресечения в отношении кого-либо из подсудимых...” (обратный перевод с английского языка)

24. 2 ноября 2005 года Московский городской суд оставил это постановление без изменений.

2. Признание виновным

25. В ходе судебного разбирательства заявитель и ее подельники утверждали, что они участвовали в мирном протесте против политики президента Путина. В соответствии с согласованным заранее планом протестной акции, они должны были пойти к зданию Администрации президента и вручить чиновникам петицию с перечислением десяти случаев, когда президент нарушал Конституцию, и содержащую призыв к его отставке. После этого они должны были побеседовать с

журналистами. 14 декабря 2004 года они, как и планировалось, вошли в приемную здания Администрации президента и проследовали в свободное помещение на первом этаже. Охранники следовали за ними и наносили удары идущим сзади, они втолкнули их в комнату и захлопнули дверь. Охранники угрожали применить силу против протестующих. Испугавшись, протестующие закрыли дверь на ключ и заблокировали ее металлическим сейфом. Они выкрикивали лозунги и раздавали листовки через окна, выражая тем самым свое мнение по поводу важных политических вопросов. Они отрицали то, что ломали мебель и сопротивлялись полиции. Они утверждали, что мебель была сломана полицейскими, которые выломали дверь и задержали их.

26. Сотрудники и охранники Администрации президента утверждали, что 14 декабря 2004 года группа в составе примерно сорока человек ворвалась в приемную Администрации президента. Они оттолкнули в сторону одного из охранников и пронеслись через рамку металлодетектора, перепрыгивая через столы и стулья. Они забежали в одну из комнат, заперли дверь и начали выкрикивать политические лозунги. Прибыла полиция и потребовала освободить помещение. Поскольку протестующие не подчинялись, полиция выломала дверь и задержала их. Некоторые свидетели утверждали, что протестующие оказывали сопротивление полиции, в частности, препятствуя открытию дверей.

27. Участвовавшие в задержании полицейские утверждали, что прежде чем выломать дверь они требовали освободить помещение. Не увидев реакции, они сломали дверь и задержали протестующих. Они отрицали то, что ломали мебель, говорили, что она была сломана до их прибытия.

28. 8 декабря 2005 года Тверской районный суд признал заявителя и ее подельников виновными в участии в массовых беспорядках. Он счел установленным, что подсудимые незаконно проникли в здание Администрации президента без соблюдения требуемых формальностей. В частности, они обошли проверку личности и контроль безопасности, оттолкнули в сторону охранника, который попытался их остановить. Они проследовали затем в одну из комнат без регистрации и не подчинились законному требованию охранников покинуть приемную. Учитывая их незаконное и агрессивное поведение, они не могут утверждать, что участвовали в мирной политической акции. Суд также установил следующее:

“[Подсудимые], действуя в сговоре, грубо нарушили общественную безопасность и порядок путем игнорирования установленных норм поведения и открытой демонстрации неуважения к обществу... Они осуществили несанкционированное проникновение в приемную здания Администрации президента и захватили офис № 14 на первом этаже... Они затем заблокировали дверь тяжелым металлическим сейфом и провели несанкционированный митинг, в ходе которого размахивали флагом Национал-большевистской партии

и плакатами, разбрасывали анти[путинские] листовки [из окна] и выдвинули незаконный ультиматум, призывая президента к отставке, тем самым дестабилизируя нормальное функционирование Администрации президента и препятствуя сотрудникам приемной осуществлять их текущие обязанности, а именно ... принимать членов общества и рассматривать обращения граждан Российской Федерации...

Творя вышеуказанные бесчинства, [подсудимые] ... ломали и портили предметы, находящиеся в приемной зоне здания Администрации президента ...” (обратный перевод с английского языка)

29. В отношении заявитель суд отметил, что не имеет значения, с научной или какой-то другой целью она присоединилась к прямой акции. Было установлено, что она прямо участвовала в массовых беспорядках вместе с другими. Учитывая, что подсудимые добровольно компенсировали материальный ущерб, причиненный их действиями, в сумме 74707,08 рублей (приблизительно 2200 евро), а также положительную характеристику заявителя, суд приговорил ее к трем годам лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком. Она была освобождена в зале суда

30. В своей кассационной жалобе заявитель, в частности, писала, что была осуждена в нарушение статьи 10 Конвенции за свое участие в мирном собрании и за свое публичное выражение мнения по важным политическим вопросам.

31. 29 марта 2006 года Московский городской суд при рассмотрении кассационной жалобы оставил приговор без изменения.

С. Условия содержания

32. С 16 декабря 2004 года по 8 декабря 2005 года заявитель находилась в следственном изоляторе ИЗ-77/6 в Москве.

33. По словам заявителя, ее камера, в которой находилось 40 человек, была переполнена. Заявитель страдала от псориаза (кожное заболевание) хронического пиелонефрита (инфекционное заболевание почек), хронического бронхита и аллергии. Она не получила медицинской помощи, адекватной ее состоянию.

34. Правительство утверждает, что с 17 по 20 декабря 2004 года заявитель находилась в камере № 307 площадью 132,1 кв. м, в которой было тридцать два человека. С 20 декабря 2004 года по 13 октября 2005 года и с 21 октября по 8 декабря 2005 года заявитель содержалась в камере № 303 площадью 123,4 кв. м, в которой было от двадцати семи до тридцати заключенных. С 13 по 21 октября 2005 года заявитель находилась в камере № 120 площадью 22,9 кв. м, в которой было два человека. Заявитель всегда имела отдельную койку и обеспечивалась постельным бельем. В поддержку своей позиции правительство представило справку начальника СИЗО от 25 июня 2009

года и отдельные страницы из книги учета заключенных, в которой учитывалось количество спальных мест и количество человек в каждой камере следственного изолятора по состоянию на каждый день.

35. Со ссылкой на справку начальника СИЗО, выданную в тот же день, правительство далее утверждало, что все камеры были оборудованы туалетами, которые были отгорожены от жилой зоны. В камерах была принудительная вентиляция. Большие окна не загораживались ставнями. Камеры имели достаточное искусственное освещение, которое было устроено так, чтобы не нарушать сон постояльцев. В следственном изоляторе не было насекомых и грызунов, поскольку во всех камерах ежемесячно проводится дезинфекция. Горячая пища предоставлялась три раза в день. Заключенные имели возможность ежедневно гулять в течение часа в прогулочных дворах. Им позволялось принимать душ не реже, чем раз в неделю.

36. Со ссылкой на медицинскую карточку заявителя правительство утверждало, что заявителя регулярно осматривали врачи-специалисты и в случае необходимости назначали лечение.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

37. Участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет (статья 212 § 2 Уголовного кодекса).

38. Положения национального законодательства, регулирующие условия и длительность предварительного заключения, обобщены в деле *Долгова против России*, № 11886/05, §§ 26-31, 2 марта 2006 года и *Линд против России*, № 25664/05, §§ 47-52, 6 декабря 2007 года.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

39. Заявитель жаловалась на то, что условия ее содержания в следственном изоляторе ИЗ-77/6 в Москве с 16 декабря 2004 года по 8 декабря 2005 года нарушали статью 3 Конвенции, в которой говорится:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

40. Правительство утверждало, что условия содержания заявителя были удовлетворительными. Количество заключенных в камерах, где она находилась, было меньше расчетной вместимости, и она всегда была обеспечена койкой и постельными принадлежностями. В камерах было как естественное, так и искусственное освещение, а также принудительная вентиляция. Удовлетворялись все стандарты обеспечения здоровья, безопасности и гигиены. Заключенные получили пищу три раза в день. Заявитель получала необходимую ей медицинскую помощь. В целом, условия ее содержания соответствовали требованиям статьи 3.

41. Заявитель настаивала на своих утверждениях.

42. Суд отмечает, что заявитель не детализировала условия ее содержания. Не оспаривала она и описание условий содержания, представленное правительством, в которых утверждалось, что площадь, приходящаяся на нее, превышала четыре квадратных метра и что получаемая ею медицинская помощь соответствовала состоянию ее здоровья (см. выше разделы с 34 по 36). При таких обстоятельствах на основе предоставленной сторонами информации Суд считает, что условия содержания заявителя не достигли такого порога суровости, чтобы попасть в сферу действия статьи 3 Конвенции.

43. Следовательно, эта часть обращения явно не обоснована и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

44. На основании статьи 5 § 1 (с) Конвенции заявитель жаловалась, что оснований для содержания ее под стражей не было и что национальные суды не учитывали должным образом аргументы защиты. На основании статьи 5 § 3 она жаловалась на нарушение ее права на судебное разбирательство в течение разумного срока и утверждала, что постановления о содержании ее под стражей не имели достаточных оснований. В соответствующей части статьи 5 указывается следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются

достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд...”

А. Приемлемость

45. Относительно жалобы заявителя на то, что ее арест был незаконным, Суд отмечает, что 16 декабря 2004 года Хамовнический районный суд Москвы принял постановление о ее помещении под стражу. В дальнейшем содержание заявителя под стражей неоднократно продлевалось национальными судами.

46. Принимая такие решения, национальные суды действовали в рамках своих полномочий, и ничто не дает оснований предполагать, что они не имеют законной силы или незаконны в соответствии с национальным законодательством. Вопрос о том, были ли основания для таких решений достаточными и относимыми, анализируется ниже в связи с вопросом о соответствии статье 5 § 3 (сравни: *Худоёров против России*, № 6847/02, §§ 152 и 153, ЕСПЧ 2005-Х (извлечения)).

47. Суд считает, что содержание заявителя под стражей соответствовало требованиям статьи 5 § 1. Следовательно, эта жалоба должна быть отклонена как явно не обоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

48. Относительно жалобы заявителя на нарушение ее права на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда Суд считает, что она не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой и по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой.

В. Рассмотрение по существу

49. По утверждению заявителя, национальные суды не выдвинули «относимых и достаточных» причин для содержания ее под стражей в течение почти года. Национальные власти продлевали срок ее содержания под стражей, полагаясь в основном на тяжесть выдвинутого против нее обвинения, не рассматривая при этом ее личную ситуацию и не указывая на существование конкретных фактов в доказательство вывода о том, что она может скрыться, оказать

воздействие на следствие или совершить новое преступление. Она также ссылалась на дело ее подельницы *Долгова против России* (упомянуто выше), в котором было установлено нарушение статьи 5 § 3 в подобных обстоятельствах.

50. По мнению правительства, решение о помещении заявителя под стражу было законным и хорошо обоснованным. Она обвинялась в тяжком уголовном преступлении – в участии в массовых беспорядках в составе организованной группы, сопровождаемых погромами и порчей имущества. Поэтому ее предварительное заключение было оправданным

51. Суд отмечает, что заявитель была помещена под стражу 14 декабря 2004 года. 8 декабря 2005 года суд первой инстанции признал ее виновной в совершении уголовного преступления, объявил наказание условным и немедленно освободил. Период, который должен быть принят во внимание, составляет почти двенадцать месяцев.

52. В большом количестве случаев Суд уже рассматривал обращения против России, содержащие подобные жалобы на основании статьи 5 § 3 Конвенции и устанавливал нарушение этой статьи потому, что национальные суды продлевали сроки содержания заявителей под стражей на основании главным образом тяжести предъявленных обвинений и шаблонных формулировок без обращения к их индивидуальным ситуациям или рассмотрения альтернативных мер пресечения (см., помимо прочего, *Худоёров*, упомянуто выше; *Мамедова против России*, № 7064/05, 1 июня 2006 года; *Пишевечерский против России*, № 28957/02, 24 мая 2007 года; *Шухардин против России*, № 65734/01, 28 июня 2007 года; *Белов против России*, № 22053/02, 3 июля 2008 года; *Александр Макаров против России*, № 15217/07, 12 марта 2009 года; *Ламазык против России*, № 20571/04, 30 июля 2009 года; *Макаренко против России*, № 5962/03, 22 декабря 2009 года; *Гултыева против России*, № 67413/01, 1 апреля 2010 года; *Логвиненко против России*, № 44511/04, 17 июня 2010 года; *Сутягин против России*, № 30024/02, 3 мая 2011 года; *Романова против России*, № 23215/02, 11 октября 2011 года и *Валерий Самойлов против России*, № 57541/09, 24 января 2012 года).

53. Суд далее отмечает, что ранее он рассматривал подобные жалобы подельников заявителя и установил нарушение их прав предусмотренных статьей 5 § 3 Конвенции (см. *Долгова против России*, упомянуто выше, §§ 38-50; *Линд против России*, упомянуто выше, §§ 74-86; *Колунов против России*, № 26436/05, §§ 48-58, 9 октября 2012 года; *Зенцов и другие против России*, № 35297/05, §§ 56-66, 23 октября 2012 года; *Манулин против России*, № 26676/06, §§ 55-62, 11 апреля 2013 года и *Вяткин против России*, № 18813/06, §§ 50-57, 11 апреля 2013 года). В каждом деле Суд отмечал, что

национальные суды опирались на тяжесть предъявленного обвинения как на основной довод при оценке потенциальной возможности заявителя скрыться, совершить новое преступление или помешать осуществлению правосудия, что они не уделяли должного внимания обсуждению личной ситуации заявителя и не учитывали должным образом факторы в пользу его освобождения, что принимались коллективные постановления об аресте без оценки в каждом случае оснований для ареста каждого подельника и тщательно не рассматривалась возможность применения другой, менее строгой меры пресечения, такой как залог.

54. Учитывая материалы, имеющиеся в его распоряжении, Суд отмечает, что правительство не предложило ни одного факта или аргумента, могущего убедить его прийти к другому заключению в настоящем деле. Действительно, национальные суды делают вывод о возможности скрыться, совершить новое преступление и помешать правосудию главным образом из тяжести предъявленного обвинения заявителю. Они не указывают ни на одну черту личности или аспект поведения, которые бы оправдывали их вывод о том, что она способна на это. Они не обращали внимания на важные и относимые факты в пользу ходатайств заявителя об освобождении и уменьшения вышеуказанных рисков, к которым относятся отсутствие судимости ранее, наличие постоянного места жительства и места работы. Не рассматривали они и возможности обеспечения явки заявителя путем применения более мягкой меры пресечения. Наконец, после того как дело было передано в суд в июне 2005 года, национальные суды принимали коллективные постановления о содержании под стражей, используя те же обобщающие формулировки для отказа в удовлетворении ходатайств об освобождении и продления срока содержания под стражей тридцати девяти человек, несмотря на ясно выраженное ходатайство защиты о том, чтобы ситуация каждого арестованного рассматривалась индивидуально.

55. С учетом вышеизложенного Суд считает, что, не ссылаясь на конкретные факты и не рассматривая альтернативные «меры пресечения», а также полагаясь главным образом на тяжесть предъявленного обвинения, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хотя и «относимые», но не могут считаться «достаточными». При таких обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, велось ли судебное разбирательство с «особой тщательностью».

56. Соответственно, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

57. Заявитель жаловалась на то, что ее задержание, содержание под стражей до суда и приговор, вынесенный ей в конце уголовного разбирательства, нарушили ее право на свободу выражения мнения, предусмотренное статьей 10 Конвенции, и право на свободу собрания, предусмотренное статьей 11 Конвенции. В этих статьях говорится следующее:

Статья 10

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Статья 11

“1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства”.

A. Приемлемость

58. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно не обоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой и по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой.

В. Рассмотрение по существу

1. Доводы сторон

59. По мнению правительства, заявитель вместе с другими членами Национал-большевистской партии осуществила силовое несанкционированное проникновение в здание Администрации президента и испортила находившееся там государственное имущество. Их протест, таким образом, не был мирным. Цель их акции заключалась в том, чтобы привлечь внимание к незаконной деятельности Национал-большевистской партии, а не выразить мнение или распространить информацию или идеи. Вместо выражения их мнения, разрешенным российским законом способом, как то: собрание, митинг, демонстрация, шествие, пикет, они действовали методом, составляющим уголовное преступление. Следовательно, осуждение заявителя за это уголовное преступление не являлось нарушением ее права на свободу выражения мнения.

60. Правительство далее утверждало, что заявитель не была осуждена за свои политические убеждения или требования. Она была осуждена за участие в массовых беспорядках, сопровождавшееся уничтожением государственного имущества. Следовательно, ее задержание, содержание под стражей и осуждение преследовали законные цели защиты общественного порядка, восстановления нормальной работы Администрации президента, расследования уголовных преступлений и наказания виновных.

61. По словам заявителя, она участвовала в протесте против политики президента, которая, по ее мнению, нарушала права граждан. Участники протестной акции 14 декабря 2004 года считали, что обращение к советнику президента может быть более эффективным, чем любое массовое действие – собрание, митинг, демонстрация шествие или пикет, предлагаемые правительством. В этой связи она заявила, что статья 10 защищает не только существо выраженных идей или информации, но и форму, в которой они были изложены.

62. Заявитель далее утверждала, что протестная акция носила мирный характер. Участники вошли в здание Администрации президента с целью передачи обращения. Учитывая, что их протест имел место в закрытой на ключ комнате, их акция по российскому уголовному законодательству не может быть классифицирована как массовые беспорядки. Они не портили какого-либо имущества; в реальности оно было повреждено задержавшими их полицейскими. Более того, участники протеста полностью компенсировали убытки. При этих обстоятельствах ее арест, содержание под стражей в течение года и наказание – три года лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком, были диспропорциональны любой законной цели.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

63. В соответствии с прочно устоявшимся прецедентом Суда свобода выражения мнения является одной из существенных основ демократического общества и одним из базовых условий его развития и самореализации каждого индивида. Это – если не противоречит параграфу 2 статьи 10 – применимо не только к «информации» или «идеям», воспринимаемым благоприятно или считающимися неагрессивными или нейтральными, но и к «информации» или «идеям», которые обижают, шокируют или тревожат. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты восприятия, без которых не бывает «демократического общества» (см. *Handyside против Соединенного Королевства*, 7 декабря 1976 года, § 49, серия А, № 24 и *Jersild против Дании*, 23 сентября 1994 года, § 37, серия А, № 298).

64. Более того, статья 10 защищает не только существо выраженных идей и информации, но и форму, в которой это сделано (см. *Oberschlick против Австрии (№ 1)*, 23 мая 1991 года, § 57, серия А, № 204; *Thoma против Люксембурга*, № 38432/97, § 45, ЕСПЧ 2001-III и *Women On Waves and Others против Португалии*, № 31276/05, § 30, 3 февраля 2009 года).

65. Равным образом право на свободу собрания является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнения, составляет одну из основ такого общества. Таким образом, оно не должно интерпретироваться ограничительно (см. *Djavit An против Турции*, № 20652/92, § 56, ЕСПЧ 2003-III и *Barraco против Франции*, № 31684/05, § 41, 5 марта 2009 года). Всегда должен достигаться баланс между законными целями, перечисленными в статье 11 § 2, и правом на свободу выражения мнения словом, жестом или даже безмолвием людьми, собравшимися на улице или в другом общественном месте (см. *Ezelin против Франции*, 26 апреля 1991 года, § 52, серия А, № 202).

66. Статья 11, однако, защищает только право на «мирное собрание». Это понимание не включает демонстрации, при которых организаторы и участники имеют насильственные устремления (см. *Stankov и the United Macedonian Organisation Ilinden против Болгарии*, №№ 29221/95 и 29225/95, § 77, ЕСПЧ 2001-IX и *Галстян против Армении*, № 26986/03, § 101, 15 ноября 2007 года). Однако если даже существует реальный риск, что публичная демонстрация выльется в беспорядки вследствие событий вне контроля ее организаторов, то такая демонстрация не выпадает из-под действия статьи 11 § 1, но какие-либо ограничения, накладываемые на такое собрание, должны быть в соответствии с положениями параграфа 2 этой статьи (см.

Schwabe и M.G. против Германии, №№ 8080/08 и 8577/08, § 103, ЕСПЧ 2011 год (отрывки)).

67. Суммируя, Суд повторяет, что любые меры по вмешательству в право на свободу собраний и выражения мнения за исключением случаев подстрекательства к насилию или отказу от демократических принципов наносят вред демократии и даже ставят ее под угрозу (см. *Fáber против Венгрии*, № 40721/08, § 37, 24 июля 2012 года).

(b) Применение к настоящему делу

(i) Применимые положения Конвенции

68. Суд отмечает, что вопросы свободы выражения мнения и свободы мирного собрания в настоящем деле тесно связаны. Действительно, защита личного мнения, обеспечиваемая статьей 10 Конвенции, является одной из целей свободы мирного собрания как она закреплена в статье 11 Конвенции (см. *Ezelin*, упомянуто выше, § 37; *Djavit An*, упомянуто выше, § 39; *Women On Waves and Others*, упомянуто выше, § 28; *Barraco*, упомянуто выше, § 26 и *Palomo Sánchez and Others против Испании* [GC], №№. 28955/06, 28957/06, 28959/06 и 28964/06, § 52, ЕСПЧ 2011 год).

69. Стороны представили соображения по статьям 10 и 11 вместе. Суд, однако, считает, что суть жалобы заявителя заключается в том, что она была осуждена за протест, выраженный вместе с другими в прямой акции, против политики президента. Поэтому Суд полагает, что было бы лучше рассматривать настоящее дело по статье 10, которая, тем не менее, будет интерпретироваться в свете статьи 11 (см. *Women On Waves and Others*, упомянуто выше, § 28).

(ii) Наличие вмешательства

70. Суд ранее установил, что протесты могут составлять выражение мнения по смыслу статьи 10. Таким образом, было установлено, что протест против охоты, включая физическое подавление охоты, или протест против продления дороги, включая насильственное проникновение на строительную площадку и подъем на деревья, предназначенные для вырубki, и на механизмы с целью воспрепятствования строительным работам являются выражением мнения, защищаемым статьей 10 (см. *Steel and Others против Соединенного Королевства*, 23 сентября 1998 года, § 92, Сборник постановлений и решений 1998-VII и *Hashman and Harrup против Соединенного Королевства* [GC], № 25594/94, § 28, ЕСПЧ 1999-VIII). Поэтому задержание и арест протестующих составляет вмешательство в право на свободу выражения мнения (там же). Задержание студентов, которые во время официальной церемонии в университете выкрикивали лозунги и поднимали баннеры и плакаты, протестуя

против различных действий администрации университета, которые они считали антидемократическими, также составляет вмешательство в право на свободу выражения мнения (см. *Açık and Others против Турции*, № 31451/03, § 40, 13 января 2009 года).

71. Заявитель в настоящем деле была задержана во время протестной акции против политики президента. Она входила в группу примерно из сорока человек, которые прорвались через проходную и охрану в приемную здания Администрации президента и закрылись в одном из офисов, где стали размахивать плакатами и раздавать листовки через окно. Ей предъявили обвинение в участии в массовых беспорядках в связи с участием в протестной акции, и она провела год под стражей, в конце которого была осуждена в соответствии с обвинением и приговорена к трем годам лишения свободы условно с трехгодичным испытательным сроком. Суд считает, что ее задержание, содержание под стражей и осуждение составляют вмешательство в право на свободу выражения мнения.

(iii) *Оправдание вмешательства*

72. Для того, чтобы вмешательство было оправданным по статье 10, оно должно быть «предписано законом», преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных во втором параграфе этой статьи, и быть «необходимым в демократическом обществе» – иначе говоря, быть пропорциональным преследуемой цели (см., например, *Steel and Others*, упомянуто выше, § 89, and *Lucas против Соединенного Королевства* (решение), № 39013/02, 18 марта 2003 год).

73. Не оспаривается, что вмешательство было «предписано законом», а именно: статьей 212 § 2 Уголовного кодекса, и «преследовало законную цель», то есть предотвращение беспорядков и защиту прав других лиц в целях статьи 10 § 2. Спорным в деле остается вопрос, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

74. Тест на необходимость в демократическом обществе требует от Суда определить, соответствовало ли «вмешательство», на которое жалуются, «насущным социальным потребностям», было ли оно пропорционально преследуемым законным целям и были ли основания, приведенные властями для его оправдания, относимыми и достаточными. В оценке того, существовала ли «потребность» и какие меры нужно применять для ее удовлетворения, властями оставляются определенные пределы усмотрения. Эти пределы, однако, не безграничны, а следуют вровень с наблюдением за Европой, осуществляемым Судом, задача которого заключается в том, чтобы вынести окончательное решение относительно того, совместимо ли ограничение со свободой выражение мнения как она защищается статьей 10. Задача Суда при осуществлении своих наблюдательских

функций заключается не в том, чтобы встать на место национальных властей, а чтобы рассмотреть на основании статьи 10, в свете дела как единого целого, решения, которые они приняли в соответствии с пределами усмотрения. Поступая так, Суд удовлетворен тем, что национальные власти применили стандарты, которые соответствовали принципам, воплощенным в статье 10, и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см., помимо прочего, *Jerusalem против Австрии*, № 26958/95, § 33, ЕСПЧ 2001-II и *Красуля против России*, № 12365/03, § 34, 22 февраль 2007 год).

75. При оценке пропорциональности вмешательства характер и суровость вынесенных наказаний также являются факторами, которые необходимо учитывать (см. *Ceylan против Турции* [Б.палата], № 23556/94, § 37, ЕСПЧ 1999-IV; *Tammer против Эстонии*, № 41205/98, § 69, ЕСПЧ 2001-I и *Skalka против Польши*, № 43425/98, § 38, 27 мая 2003 года).

(а) “Насущная социальная потребность”

76. Суд в первую очередь рассмотрит вопрос о том, соответствовало ли вмешательство, на которое жалуются, «насущным социальным потребностям».

77. Он отмечает, что заявитель и другие участники протестной акции хотели привлечь внимание своих соотечественников и официальных лиц к тому, что они не одобряют политику президента и требуют его отставки. Эта проблема представляла общественный интерес и являлась составной частью дискуссии об осуществлении президентских полномочий. Суд напоминает в этой связи, что на основании статьи 10 § 2 Конвенции существует узкий коридор для ограничений на политические высказывания или дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Последовательная позиция Суда заключалась в том, чтобы требовать очень веских причин для оправдания ограничений на политические дискуссии, поскольку широкие ограничения в отдельных случаях, безусловно, отразятся на уважении к свободе выражения мнения в целом в данном государстве (см. *Feldek против Словакии*, № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001-VIII и *Sürek против Турции (№ 1)* [Б. палата], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV).

78. Кроме того, Суд напоминает, что, несмотря на общепризнанную важность свободы выражения мнения, статья 10 не предоставляет какую-либо свободу форума для реализации этого права. В частности, эта статья не требует автоматического предоставления права проникновения в частные владения или даже обязательно в государственные владения, такие, например, как правительственные

учреждения и министерства (см. *Appleby и другие против Соединенного Королевства*, № 44306/98, § 47, ЕСПЧ 2003-VI).

79. В настоящем деле протестная акция, в которой участвовала заявитель, имела место в здании Администрации президента. Примечательно, что задача Администрации заключалась в том, чтобы принимать граждан и рассматривать их жалобы, и ее помещения поэтому были открыты для публики после идентификации и проверки на безопасность. Протестующие, однако, не подчинились установленной процедуре приема: они обошли идентификацию и контроль безопасности, не зарегистрировались в приемной и не стали ожидать в очереди чиновника для приема их обращения. Вместо этого они ворвались в здание, оттолкнули в сторону одного из охранников, запрыгнули на мебель и в конечном итоге закрылись в свободной комнате. Такое поведение, усугубленное количеством протестующих, могло напугать сотрудников и присутствующих посетителей и нарушить нормальную работу Администрации президента. В таких условиях действия полиции, которая задержала протестующих и удалила их из помещения Администрации президента, могут считаться оправданными требованиями защиты общественного порядка (см. подобное обоснование в делах *Steel and Others*, упомянуто выше, §§ 103 и 104 и *Lucas*, упомянуто выше).

(β) Пропорциональность

80. Остается выяснить, были ли длительность содержания заявителя под стражей до суда и вынесенное ей в конце этого наказание пропорциональны преследуемой законной цели (см. *Steel and Others*, упомянуто выше, §§ 105-107).

– Обзор прецедентов Суда

81. Суд напоминает в этой связи, что страны-участницы конвенции не обладают безграничным усмотрением с тем, чтобы принимать любые меры, которые сочтут необходимыми, во имя защиты общественного порядка. Суд должен проявлять самую большую осторожность там, где предпринятые национальными властями меры или наложенные ими санкции были такими, чтобы заставить отказаться заявителей и других лиц от распространения информации или идей, оспаривающих существующий порядок вещей (см. *Women On Waves and Others*, упомянуто выше, § 43).

82. Суд в нескольких случаях оценивал пропорциональность санкций, наложенных за незаконное поведение, выражавшееся в некотором нарушении общественного порядка. Так, в деле *Steel and Others против Соединенного Королевства* Суд рассматривал две ситуации. Первая ситуация касалась протеста против отстрела куропаток, затрагивающую группу примерно в шестьдесят человек,

которые пытались помешать охоте. Суд счел при таких обстоятельствах, что сорок восемь часов содержания под стражей до суда и приговор к двадцати восьми дням лишения свободы были пропорциональны законной цели защиты общественного порядка. Вторая ситуация касалась протеста против строительства автодороги. Участники неоднократно врываются на строительную площадку, где забирались на деревья, подлежащие вырубке, и на стоящую там технику, располагались перед техникой с тем, чтобы помешать земляным работам. Суд счел, что семнадцать часов содержания под стражей до суда и приговор к семи дням лишения свободы за такое буйное поведение были совместимы с требованиями статьи 10 (см. *Steel and Others*, упомянуто выше, §§ 105 – 109).

83. В деле *Drieman and Others против Норвегии* Суд рассматривал пропорциональность санкций наложенных на участников прямой акции против охоты на китов, которая проводилась Гринписом. Прямая акция заключалась в маневрировании на судне таким образом, чтобы мешать охоте, каждый раз устанавливая судно между кораблем-охотником и китом, делая, таким образом, невозможным бросание гарпуна в кита. Хотя Суд оставил открытым вопрос о том, может ли данное поведение подпадать под гарантии статей 10 и 11, он признал, что, наложив уголовный штраф на участников, национальные власти действовали в пределах своего усмотрения (см. *Drieman and Others*, упомянуто выше).

84. Далее, в деле *Lucas против Соединенного Королевства* Суд установил, что четыре часа содержания под стражей до суда и приговор к штрафу за блокирование общественной дороги в качестве протеста против сохранения атомной подводной лодки пропорциональны законной цели защиты общественного порядка с учетом опасности, которую представляло поведение протестующих, сидящих на общественной дороге (см. *Lucas*, упомянуто выше).

85. равным образом в деле *Barraco против Франции* Суд признал, что наказание в три месяца лишения свободы условно за блокирование автострады участниками протеста «иди медленно», организованного профсоюзами, было пропорционально преследуемой законной цели. Суд отметил, что заявитель был наказан не за участие в демонстрации как таковой, а за особенности поведения в ходе демонстрации, а именно: за неоднократное и намеренное блокирование общественной дороги, затрудняя движение в большей степени, чем это обычно произошло бы в результате осуществления права на мирное собрание (см. *Barraco*, упомянуто выше, §§ 41-49).

86. Суд также учитывает дело *Osmani и другие против бывшей югославской республики Македонии*. В этом деле заявитель, мэр города, заявил в речи на общественном собрании о своем отказе убрать флаг Албании вопреки решению Конституционного Суда. Эта речь

вызвала стычку между гражданами, желающими убрать флаг, и теми, кто хотел сохранить его. После этого инцидента заявитель организовал вооруженное дежурство для защиты албанского флага. Позже полиция обнаружила оружие в ратуше и в квартире заявителя. В тот же день, когда был найден тайник с оружием, на полицию напала группа граждан примерно из 200 человек, вооруженных металлическими прутьями, которые бросали в нее камни, булыжники, коктейли Молотова и гранаты со слезоточивым газом. Суд постановил, что в весьма чувствительной межэтнической ситуации того времени слова и действия заявителя способствовали межэтническому насилию и насилию в отношении полиции. При оценке пропорциональности санкции Суд принял во внимание, что, хотя заявителя и приговорили к семи годам лишения свободы, в результате амнистии он провел под стражей только год и три месяца. Поэтому, если даже первоначальный приговор может считаться суровым, срок, реально проведенный под стражей, не может считаться непропорциональным с учетом фактов дела (см. *Osmani и другие против бывшей Югославской Республики Македонии* (решение), № 50841/99, 11 октября 2001 года).

87. Анализ упомянутых выше прецедентов Суда показывает, что усмотрение стран-участниц конвенции при наказании за незаконное поведение при реализации права на свободу выражения мнения и собраний, хотя и широкое, но не безграничное. Оно следует вровень с наблюдением за Европой, осуществляемым Судом, задача которого заключается в том, чтобы вынести окончательное решение относительно того, совместимо ли наказание со статьями 10 и 11. Суд должен с особой тщательностью рассматривать дела, в которых санкции национальных властей за ненасильственные действия связаны с лишением свободы.

88. Другой важный принцип, который просматривается в прецедентах Суда, заключается в том, что участники демонстрации, которая вылилась в нанесение ущерба или другие беспорядки, не принимавшие сами каких-либо насильственных или других предосудительных действий, не могут преследоваться только на основании того, что они участвовали в демонстрации. Так, в деле *Ezelin против Франции* заявителю вынесли порицание за участие в демонстрации, которая привела к порче государственного имущества путем нанесения неприличного и оскорбительного граффити, виновные в чем не были найдены. Устанавливая нарушение статьи 11, Суд постановил, что свобода участия в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут санкциям – даже низшей из них по шкале дисциплинарных наказаний – за участие в демонстрации, если этот человек сам не совершил чего-либо предосудительного во время нее (см. *Ezelin*, упомянуто выше, § 53).

89. Такой подход был в дальнейшем подтвержден в делах *Yılmaz and Kılıç против Турции* и *Schwabe and M.G. против Германии*. Так, в деле *Yılmaz and Kılıç* Суд постановил, что четыре года лишения свободы за участие в демонстрации, в ходе которой толпа выкрикивала лозунги, призывающие к насилию, было непропорционально законной цели защиты общественного порядка и поэтому несовместимо со статьёй 10. При оценке пропорциональности санкции Суд, в том числе, учитывал, что не было установлено, принимали ли заявители участие в выкрикивании призывающих к насилию лозунгов (см. *Yılmaz and Kılıç против Турции*, № 68514/01, §§ 65-69, 17 июля 2008 года). Наконец, дело *Schwabe and M.G.* касалось ареста заявителей прямо перед началом демонстрации против саммита G8. Подобная демонстрация накануне закончилась беспорядками, выразившимися в нападении хорошо организованных воинственных демонстрантов на полицию с камнями и бейсбольными битами. Суд отметил, что не было показано, что, стремясь принять участие в демонстрации в связи с саммитом G8, заявители имели воинственные устремления. При таких обстоятельствах их содержание под стражей в течение почти шести дней для того, чтобы не дать возможности принять участие в демонстрации, которая могла привести к насильственным действиям, не представляло справедливого баланса между целью обеспечить общественную безопасность и предотвратить преступление и заинтересованностью заявителей в свободе собраний (см. *Schwabe and M.G.*, упомянуто выше, §§ 105 и 114-119).

– Анализ настоящего дела

90. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что признание заявителя виновной, по крайней мере частично, основывалось на осуждении национальными судами политической идеи, выражаемой протестантами. Действительно, заявитель обвинялась в «разбрасывании анти[путинских] листовок» и «предъявлении незаконного ультиматума с требованием отставки президента» (см. выше параграф 28). Вместе с тем примечательно, что заявитель не была осуждена только за выражение мнения, а осуждена за его выражение в совокупности с особым поведением.

91. Суд отмечает, что участники протестной акции пришли в здание Администрации президента для встречи с официальными лицами, передачи обращения с критикой политики президента, раздачи листовок и беседы с журналистами. Они не были вооружены, не прибегали ни к какому насилию или силе за исключением отталкивания в сторону охранника, который пытался их остановить. Последующие беспорядки не были частью их первоначального плана, а стали реакцией на попытки охранников воспрепятствовать их входу в здание. Хотя эта реакция может представляться неуместной или

чрезмерной, но примечательно, что протестующие не нанесли никаких телесных повреждений охранникам, сотрудникам Администрации президента или посетителям. Действительно, в предъявленном им обвинении не упоминается ни о каком насилии над людьми или нанесении кому-либо телесных повреждений.

92. Далее, не вызывает сомнения, что протестующие были признаны виновными в нанесении ущерба имуществу Администрации президента. Суд, однако, отмечает, что национальные суды не установили, принимала ли заявитель лично участие в нанесении этого ущерба или совершила ли она что-то предосудительное. Существенно также, что до окончания судебного процесса подсудимые компенсировали материальный ущерб, нанесенный их протестной акцией.

93. Вышеуказанные обстоятельства приводят Суд к заключению, что настоящее дело отличается от дела *Osmani and Others*, поскольку поведение протестующих, хотя в определенной степени и представляло из себя беспорядки и причинило определенный ущерб, но не доходило до насилия. Оно, таким образом, с фактической точки зрения ближе к делам *Steel и другие, Drieman и другие, Lucas и Barraco*.

94. Исключительная суровость санкции, однако, отличает настоящее дело от дел *Steel и другие, Drieman и другие и Lucas и Barraco*, в которых меры, принятые в отношении заявителей в сравнимых обстоятельствах, были сочтены оправданными требованиями общественного порядка. Действительно, ни в одном из этих дел наказание не было длиннее нескольких дней лишения свободы без права на помилование за исключением одного дела (*Barraco*), где наказание составляло три месяца лишения свободы условно, которое, в конце концов, так и не было отбыто. Соответственно, Суд считает, что обстоятельства настоящего дела не дают оправдания содержанию под стражей в течение года и для приговора к трем годам лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком.

95. Суд, таким образом, приходит к выводу, что хотя санкция в отношении действий заявителя и могла основываться требованиями общественного порядка, но длительный период содержания под стражей до суда и вынесенное ей наказание в виде продолжительного условного лишения свободы не были пропорциональны преследуемой законной цели. Суд полагает, что необычайно суровая санкция, примененная в данном деле, должна была иметь устрашающий эффект для заявителя и других участников протестной акции (см., с соответствующими оговорками, *Cumrăna and Mazăre*, упомянуто выше, § 116).

96. В свете вышеизложенного и особенно, имея в виду длительность предварительного заключения и исключительную серьезность примененной санкции, Суд считает, что рассматриваемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

97. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции, рассматриваемой в свете статьи 11.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

98. В заключение Суд рассмотрел другие жалобы, представленные заявителем, и с учетом всех материалов, имеющих в его распоряжении, и того, насколько они подпадают под компетенцию Суда, он считает, что эти жалобы не содержат никаких признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией и протоколами к ней. Из этого следует, что эта часть обращения в Суд должна быть отклонена как очевидно не обоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

99. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Материальный ущерб и моральный вред

100. Заявитель требовала 30000 евро за моральный вред.

101. Правительство сочло это требование чрезмерным. По его мнению, сам факт установления нарушения представил бы достаточную справедливую компенсацию.

102. Суд считает, что заявителю был нанесен моральный вред вследствие ареста и уголовного наказания, несовместимых с принципами Конвенции. Этот вред не может быть в достаточной мере компенсирован только установлением нарушения. Основываясь на справедливой оценке, Суд присуждает заявителю 12500 евро за моральный вред плюс сумму всех налогов, которыми они могут облагаться.

В. Расходы и издержки

103. Заявитель не требовала компенсации судебных расходов и издержек. Соответственно, нет оснований присуждать что-либо по этой графе.

С. Неустойка

104. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признал* жалобы, касающиеся чрезмерной длительности предварительного заключения заявителя и вмешательства в ее право на свободу выражения мнения и свободу собраний, приемлемыми, а остальную часть обращения неприемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, рассматриваемой в свете статьи 11 Конвенции;
4. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю 12500 (двенадцать тысяч пятьсот) евро в переводе в валюту страны-ответчика по курсу на день выплаты за моральный вред плюс сумму всех налогов, которыми они могут облагаться;
 - (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта;
5. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 15 мая 2014 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Секретарь

Изабель Берро-Лефевр
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 of Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается совместное особое мнение судей Пинту ди Албукерки, Туркович и Дедова.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПИНТУ ДИ АЛБУКЕРКИ, ТУРКОВИЧ И ДЕДОВА

1. Дело Тарасенко касается новых аспектов пределов свободы выражения мнения и связанного с этим поведения в общественном месте. Впервые Европейскому Суду по правам человека («Суду») пришлось оценивать реализацию этой свободы внутри здания государственного учреждения, в которое группа людей, включая заявителя, проникла без разрешения. Одновременно Суд столкнулся с деликатной проблемой законности и пропорциональности уголовного наказания за поведение заявителя, которое представляло собой «участие в массовых беспорядках»¹. Мы можем согласиться с признанием Палатой нарушения статьи 10 Европейской Конвенции по правам человека («Конвенции»), но не полностью с его обоснованием. Наше несогласие базируется на другой оценке как законности, так и пропорциональности вмешательства в свободы заявителя в соответствии с Конвенцией².

1. Понятие массовые беспорядки или бунт используется в данном документе в техническом, уголовно-правовом смысле и включает в себя различные формы массовых общественных беспорядков, которые могут носить насильственный и ненасильственный, вооруженный и невооруженный характер. Массовые общественные беспорядки могут происходить без применения насилия. При насильственном бунте насилие может быть использовано против людей или имущества. Насильственный бунт может быть вооруженным, то есть сопровождаться применением оружия. Но могут быть также и насильственные невооруженные бунты, где насилие осуществляется другими, чем оружие, средствами, такими как физическая сила. Ненасильственный бунт может быть вооруженным, если участники имеют оружие, но не применяют его. Массовые бунты, будь то насильственные или ненасильственные, часто, но необязательно, сопровождаются неподчинением или даже сопротивлением представителям государственной власти, таким как полиция.

2. Заявитель жаловалась также на нарушение статьи 11 Конвенции, но большинство предпочло разбираться с делом на основании статьи 10, «рассматриваемой в свете статьи 11» (см. параграф 97 и пункт 3 результативной части). Большинство не дало никаких объяснений такому подходу. Поскольку цель группы почти из сорока злоумышленников заключалась в том, чтобы собраться в здании Администрации президента, потребовать встречи с президентом и еще двумя высшими руководителями, размахивать плакатами, распространять листовки и закрыться, в конечном итоге, внутри здания, то со всей очевидностью стоял вопрос о правах, предусмотренных статьей 11. Более того, заявитель и другие злоумышленники были наказаны за несанкционированное проникновение и собрание внутри здания государственного учреждения, а не за содержание распространяемых политических идей. Поэтому к фактам нужно было относиться в первую очередь с позиций статьи 11. В любом случае предварительное заключение и уголовное наказание демонстрантов также поднимало, в широком смысле, вопрос ущемления их свободы выражения мнения и связанного с этим поведения.

Недостаточные правовые рамки, определяющие общественные беспорядки или бунт

2. Заявитель была признана виновной в совершении уголовного преступления – в «участии в массовых беспорядках» по статье 212 § 2 Уголовного кодекса России. Это преступление относится к поведению того, кто добровольно принимает участие в организованном или неорганизованном движении по нарушению общественного порядка большой группой граждан, которое должно сопровождаться одним или более актом насилия в отношении одной или нескольких личностей, погромом в отношении этнической или религиозной группы³, поджогами⁴, нанесением вреда движимому (например, автомобилям) или недвижимому имуществу, применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, вооруженным сопротивлением властям. Таким образом, преступление основывается не просто на потенциально опасном поведении, а на причинении вреда личности или имуществу в результате поведения правонарушителя. Это, однако, не единственное законоположение, применимое к поведению, вызывающему массовые общественные беспорядки в государстве-ответчике. Существуют три законоположения, которые могут быть применимы к такому поведению: статьи 212 и 213 Уголовного кодекса России и статья 20.1 Кодекса об административных нарушениях России. Граница между этими тремя законоположениями не совсем ясна. В случае невооруженных массовых общественных беспорядков, как в настоящем деле, спорным является, применима ли статья 212 Уголовного кодекса России или статья 20.1 Кодекса об административных нарушениях России. В случае вооруженного массового общественного беспорядка обе статьи 212 и 213 Уголовного кодекса России могут применяться. Интересно отметить, что уголовное преступление в виде хулиганства (статья 213 Уголовного кодекса) подразумевает то же поведение, нарушающее общественный порядок, что и уголовное преступление в виде массовых беспорядков (статья 212 Уголовного кодекса), но наказывается более мягким наказанием. Отсюда рациональность введения этих двух автономных преступлений под большим вопросом. Перекрывающий друг друга характер этих законоположений усугубляется прокурорской практикой, при которой «бунтовщикам» часто вменяют преступление

3. Погром (это слово употреблено в английском тексте – прим. пер.) – это русское слово, которое первоначально означало насильственный бунт, имевший целью массовую резню или травлю евреев. В настоящее время оно означает все формы коллективного насилия в отношении этнических или религиозных групп.

4. Поджог – это намеренный акт предания огню одного или нескольких зданий, или другого имущества посторонних лиц, или своего имущества с противозаконными целями.

в виде «насильственного захвата власти» (статья 278 Уголовного кодекса России). В действительности, прокурорская практика, при которой участникам политических демонстраций первоначально предъявляется обвинение в совершении преступления в виде «насильственного захвата власти» для оправдания их длительного предварительного заключения и замена этих обвинений на менее тяжкие обвинения в участии в массовых беспорядках, не порицается национальными судами, которые молчаливо принимают эту практику⁵.

3. Более того, минимальное наказание по статье 212 § 2 Уголовного кодекса России является чрезмерным. Хотя установление максимального и минимального срока лишения свободы за уголовное преступление является сферой, где государства-члены Конвенции имеют широкие пределы усмотрения, они не полностью свободны при законодательном решении этих вопросов. В частности, государства-члены Конвенции должны принимать во внимание следующие два принципа: во-первых, очень широкие карательные рамки с большим разрывом между минимальным и максимальным сроком заключения поднимают вопрос определенности уголовного закона в соответствии со статьей 7 (*nulla poena sine legge certa*)⁶ и, во вторых, очень длительный обязательный минимум срока заключения вызывает вопрос о необходимости государственного вмешательства. Сравнительный правовой обзор уголовных кодексов государств-членов Конвенции дает полезный логический инструмент для определения такой необходимости.

4. В настоящем деле обзор европейских уголовных кодексов, действовавших в соответствующее время, показывает, что в значительном количестве кодексов не указывается минимальный срок заключения или указывается минимальный срок лишения свободы менее трех лет в качестве наказания за участие в массовых общественных беспорядках, даже сопряженных с актами насилия в отношении лиц или имущества. По статье 355 Уголовного кодекса Андорры, участие в беспорядках, угрожающих опасностью для граждан, наказывается лишением свободы на срок до двух лет. По статье 274 Уголовного кодекса Австрии участие в нарушении общественного порядка наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а руководители беспорядков – на срок до трех лет. В Бельгии участие в беспорядках наказывается «взысканиями полиции», которые могут составлять штраф или лишение свободы на срок до семи дней (см., например статью 70 Регламента полиции города Брюсселя). По статье 239 Уголовного кодекса Эстонии, участники массовых

5. *Долгова против России*, № 11886/05, § 42, 2 марта 2006 года и *Линд против России*, № 25664/05, § 78, 6 декабря 2007 года.

⁶ Нет наказания без четкого закона.

беспорядков, совершившие осквернение, разрушение, поджог или другие подобные действия, проигнорировавшие законный приказ сотрудника полиции, специального констебля или любого другого лица, противостоящего таким актам на законной основе, или оказавшие им сопротивление, а также подстрекавшие этих лиц к невыполнению их служебных обязанностей, наказываются денежным взысканием или лишением свободы на срок до пяти лет. Статья 238 этого же кодекса за преступление в виде организации или планирования беспорядков с участием большого числа лиц или подстрекательства к участию в таких беспорядках, если эти беспорядки имеют следствием осквернение, разрушение, поджог или другие подобные действия, предусматривает наказание от трех до восьми лет лишения свободы. По статье 17 раздела 2 Уголовного кодекса Финляндии участие в ненасильственном бунте наказывается штрафом или тюремным заключением на срок максимум один год участие в насильственном бунте – штрафом или тюремным заключением на срок максимум два года, а руководство насильственным бунтом – штрафом или тюремным заключением на срок максимум четыре года. Раздел 14 Закона об уголовном правосудии (Общественный порядок) Ирландии 1994 года устанавливает наказание за участие в бунте в виде штрафа и/или тюремного заключения на срок до десяти лет, но не предусматривает минимального срока заключения. За участие в насильственных беспорядках, которые подпадают под раздел 154 Закона, предусматривается такое же наказание. Статья 283 Уголовного кодекса Литвы предусматривает наказание за участие в невооруженном бунте тюремным заключением на срок до пяти лет, а за участие в вооруженном бунте – на срок до шести лет. В соответствии с разделом 324 Уголовного кодекса Хорватии, участие в бунте наказывается штрафом или тюремным заключением на срок от трех месяцев до трех лет. Бунт при отягощающих обстоятельствах, совершенной из ненависти, в отношении большого количества людей, с применением оружия, ставящий в опасность жизнь или физическую неприкосновенность людей или имеющий следствием большой материальный ущерб наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до пяти лет. Статья 431-3 Уголовного кодекса Франции предусматривает наказание за участие в невооруженном бунте в виде штрафа и тюремного заключения сроком на один год, а за участие в вооруженном бунте - в виде штрафа и тюремного заключения на срок три года. В соответствии со статьей 225 Уголовного кодекса Грузии, преступление в виде организации или руководства массовыми беспорядками, сопровождающимися насилием, погромом, поджогами, применением оружия или взрывных устройств, а также сопротивлением представителям власти, наказываются тюремным

заклучением на срок от трех до десяти лет, а простое участие в бунте наказывается тюремным заключением на срок от двух до восьми лет. Статья 186 Уголовного кодекса Дании предусматривает наказание за участие в бунте в виде тюремного заключения на срок до трех месяцев или штрафа второй категории. Статья 125 Уголовного кодекса Германии предусматривает наказание за участие в бунте в виде штрафа или тюремного заключения на срок до трех лет, а за участие в вооруженном бунте – в виде тюремного заключения на срок от шести месяцев до десяти лет. Статья 274 Уголовного кодекса Лихтенштейна предусматривает наказание за участие в бунте, сопровождающимся убийством, нанесением телесных повреждений или причинением материального ущерба, в виде тюремного заключения на срок до трех лет. В соответствии со статьей 385 Уголовного кодекса Македонии, те, кто в составе толпы совместными действиями совершает акты насилия в отношении людей, наносит ущерб или уничтожает имущество в широких масштабах, наказываются штрафом или тюремным заключением на срок до трех лет. Если во время действий толпы убит человек или он понес серьезные телесные повреждения, а также если нанесен значительный ущерб, то участники толпы за факт самого участия наказываются тюремным заключением на срок от трех месяцев до пяти лет. Руководитель толпы наказывается тюремным заключением от одного года до десяти лет. Статья 399 Уголовного кодекса Черногории предусматривает наказание за участие в бунте в виде тюремного заключения на срок от трех месяцев до трех лет, а если причинены телесные повреждения или нанесены серьезные унижения третьим лицам, – то на срок от шести месяцев до пяти лет. В соответствии со статьей 136 Уголовного кодекса Норвегии за участие в бунте дается тюремный срок до трех лет, а при насилии в отношении личности или имущества – от двух месяцев до пяти лет. Статья 302 Уголовного кодекса Португалии предусматривает наказание за участие в бунте в виде тюремного заключения на срок один год или штрафа в сумме 120-дневного дохода, а за организацию бунта – в виде тюремного заключения на срок три года или штрафа в сумме 360-дневного дохода. Однако, если бунт вооруженный, то верхняя планка удваивается. Нижний предел равен одному месяцу тюремного заключения или штрафу в сумме десятидневного дохода. Статья 344 Уголовного кодекса Сербии предусматривает наказание за участие в бунте в виде тюремного заключения на срок от трех месяцев до трех лет, а в случае телесных повреждений или серьезного ущерба имуществу третьих лиц – на срок от шести месяцев до пяти лет. Статья 514 Уголовного кодекса Испании предусматривает наказание руководителей незаконных демонстраций в виде тюремного заключения на срок от одного года до трех лет, а участников с оружием или другими опасными принадлежностями – на срок от

одного года до двух лет. Раздел 1 главы 16 Уголовного кодекса Швеции предусматривает наказание за участие в ненасильственном бунте в виде штрафа или тюремного заключения на срок до двух лет, а руководителей бунта – на срок до четырех лет. Раздел 2 этой же главы предусматривает наказание за участие в насильственном бунте в виде штрафа или тюремного заключения на срок до четырех лет, а руководителей бунта – на срок до десяти лет. Эти законоположения не устанавливают минимальное наказание. В некоторых странах, таких как Венгрия, преступление в виде бунта ассоциируется с непосредственной целью препятствования осуществлению конституционной власти путем насилия или угрозы насилием или принуждения парламента, президента республики, верховного суда или правительства принять определенные меры. Но даже в этом случае преступление наказывается тюремным заключением на срок от двух до восьми лет (статья 140 Уголовного кодекса Венгрии). Основываясь на сравнительном обзоре права, можно убедиться, что минимальный срок тюремного заключения три года за уголовное преступление в виде участия в массовых общественных беспорядках, даже если они сопровождаются нанесением материального ущерба, сам по себе проблематичен с точки зрения принципа необходимости.

5. Это правда, что статья 64 Уголовного кодекса России позволяет приговорить подсудимого к наказанию ниже нижнего предела, установленного соответствующим уголовным законом. Но статья 64 не устанавливает четкий набор условий для применения такого послабления. Хотя она имеет отсылку к перечню «исключительных» обстоятельств, но этот перечень не является исчерпывающим, и судьи могут сослаться на другие обстоятельства. Суды низшей инстанции пользуются значительным усмотрением в применении этого перечня обстоятельств, поскольку суды вышестоящих инстанций на сегодняшний день не дали никаких указаний относительно того, как это положение закона должно трактоваться, и таким образом, предоставили судьям первой инстанции богатые возможности для субъективной оценки соответствующего наказания в каждом конкретном деле. Ученые и комментаторы Уголовного кодекса не дали судьям каких-либо дополнительных наставлений. Этот серьезный недостаток в правовой системе воздействует не только на условия применения обсуждаемого законоположения, но и на последствия его применения. У судей есть две возможности: или дать наказание ниже низшего, указанного в соответствующей статье Уголовного кодекса, но в любом случае не ниже нижнего предела, установленного кодексом для каждого вида наказания (в случае лишения свободы, например, нижним пределом являются два месяца), или применить менее суровое наказание (например, если преступление наказывается только лишением свободы, судья может постановить применить штраф

или исправительные работы). Обилие возможных вариантов наказания таково, что подсудимые не могут предположить, какое их ожидает. Итак, законность вмешательства национальной прокуратуры и судов в право заявителя на свободу выражения мнения и связанного с этим поведения ставятся под вопрос этим дополнительным элементом неопределенности, связанным с наказанием.

Непропорциональная уголовная санкция за участие в бунте

6. Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения и связанного с этим поведения имело двойной характер. Во-первых, она была отстранена от участия в демонстрации в общественном здании, а, во-вторых, была задержана полицией, содержалась в предварительном заключении, осуждена за уголовное преступление и приговорена к лишению свободы условно. С учетом сущности действий и решений полиции и судов вмешательство в свободу заявителя должно оцениваться с точки зрения негативных обязательств, вытекающих из статьи 10 Конвенции, которые сужают размах пределов усмотрения государства-ответчика.

7. Выкрикивание и скандирование политических лозунгов, размахивание плакатами политического содержания и раздача листовок с подобным же содержанием – это формы выражения мнения и связанного с этим поведения, которые со всей очевидностью подпадают под защиту статьи 10 и которые все заслуживают именно одинаковой степени защиты. В настоящем деле содержание идей, выражаемых демонстрантами, и цель, лежащая в основе демонстрации, являются политическими. Объективно и субъективно политическая сущность выражения мнения и связанного с этим поведения еще более сужают пределы усмотрения государства-ответчика. Но как выражение мнения, так и связанное с этим поведение могут, тем не менее, потерять защиту Конвенции, когда они создают очевидную и неминуемую опасность общественного беспорядка, преступления или нарушения прав других⁷. Выражение мнения на рынке идей возможно только тогда, когда насилие не провоцируется, им не угрожают и его не реализуют⁸. Если есть насилие, то нет обмена информацией.

8. В принципе, Соединенные Штаты имеют узкий предел усмотрения в отношении выражения мнения в местах общественного

7. Относительно критерия очевидной и неминуемой опасности см. мнение судьи Пинту ди Албуркерки в деле *Faber против Венгрии*, № 40721/08, 24 июля 2012 года.

8. Верховный Суд Соединенных Штатов, *Brandenburg v. Ohio*, 395 US 444 (1969) and *Samuels v. Mackell*, 401 US 66 (1971).

пользования⁹. В деле *Appleby и другие* Суд дал оценку пределам свободы выражения мнения заявителя в частной собственности другого человека – торговом центре¹⁰. В качестве *obiter dictum*¹¹ Суд добавил, что по Конвенции не существует позитивных обязательств создать право доступа во все государственные здания, такие как: правительственные учреждения и министерства, с целью утверждения права на свободу выражения мнения, если у заинтересованных лиц есть альтернативные и эффективные средства распространить свои идеи. В рассматриваемом деле административное здание являлось исполнительным учреждением президента России, с различными бюрократическими службами и подразделениями. Одним из таких подразделений была приемная граждан и их обращений и жалоб. Таким образом, здание, используемое Администрацией президента Российской Федерации, может считаться внутренней площадкой, которая, по замыслу властей, не является подходящим местом для неограниченного обмена мнениями, собраний и демонстраций. Здесь государству дается гораздо больше свободы в регулировании свободы выражения мнения и связанного с этим поведения. В добавок к регулированию времени, места и манеры государство может сохранять площадку в соответствии с ее предназначением, если регулирование свободы выражения мнения и связанного с этим поведения разумно и не является попыткой подавить их из-за несогласия официальных лиц с взглядами пользователей площадки. Особые ограничения могут быть наложены на одновременный вход и большое скопление людей в общественных зданиях в рабочие часы. Даже при санкционированном входе и собрании в общественном здании не предполагается, что пользователи площадки будут злоупотреблять своей свободой выражения мнения и связанного с этим поведения посредством актов насилия в отношении людей или имущества. *A fortiori*¹² насилие не может применяться для входа в общественное здание и пребывания в нем под видом политической формы выражения мнения или собрания. Насилие не становится законным только потому, что оно имеет место в ходе собрания, даже если оно преследует политические цели¹³.

9. Относительно выступлений на общественных собраниях см. мнение судьи Пинту ди Албуркерки в деле *Mouvement raëlien suisse против Швейцарии* [Б. палата], № 16354/06, ЕСПЧ 2012 год.

10 *Appleby и другие против Соединенного Королевства*, № 44306/98, §§ 47-49, ЕСПЧ 2003-VI.

¹¹ Попутное замечание.

¹² Тем более.

13. См. Федеральный конституционный суд Германии, *Sitzblockade III judgment*, 10 января 1995 года, параграф 50; Рекомендации по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2008 год, параграфы 63 и 86-90 и принцип 6 Йоханнесбургских принципов национальной безопасности, свободы выражения мнения и доступа к информации.

9. В рассматриваемом деле сущность вмешательства и выражения мнения и связанного с ним поведения указывают в направлении узких пределов усмотрения, а место, где это происходило, – в противоположную сторону. При оценке значимости этих факторов на обеих чашах весов, перевес со всей очевидностью принадлежит сущности вмешательства и выражения мнения в ущерб побочному элементу места действия. В целом, узкие пределы усмотрения превалируют в конкретных обстоятельствах этого дела.

10. После установления приемлемых критериев для оценки вмешательства государства в свободу выражения мнения и связанное с этим поведение заявителя и их относительной и абсолютной значимости Суд должен дать оценку основаниям, приведенным национальными судами, для вмешательства в свободу выражения мнения заявителя. Национальные суды приводят две причины: первая, демонстранты серьезно нарушили общественную безопасность и порядок, игнорируя установленные нормы поведения и проявляя явное неуважение к обществу; вторая, совершая вышеуказанные акты беспорядка, подсудимые уничтожили и причинили вред имуществу в одном из помещений приемной в здании Администрации президента России. Эти причины обосновываются защитой общественного порядка и общественной собственности, а также уголовным преследованием преступного поведения в качестве законных целей для ограничения свободы выражения мнения и связанного с этим поведения. И они хорошо обоснованы. Учитывая, что заявитель вошла в здание вместе со значительным количеством демонстрантов, участвовавших в акции Национал-большевистской партии, и что эта группа обошла проверку личности и контроль безопасности, оттолкнула в сторону охранника, который попытался ее остановить, не подчинилась законному требованию охранника покинуть помещение, захватила комнату № 14 на первом этаже, разломала там мебель и повредила стены, заблокировала дверь тяжелым металлическим сейфом и провела несанкционированный митинг, было справедливым полагать, что это не ясная и неминуемая опасность совершения уголовного деяния, а что уголовное деяние уже было совершено группой демонстрантов, которое потребовало полицейской акции для восстановления порядка и приведения демонстрантов к суду. Другими словами, задержание демонстрантов полицией и предъявление им обвинения в уголовном преступлении соответствовало насущной социальной потребности и поэтому подпадало под второй параграф статьи 10 Конвенции.

11. С учетом серьезных беспорядков и значительного ущерба, вызванных демонстрантами, наказание за описанное поведение как за уголовное преступление не было несовместимым с защитой их

свободы выражения мнения и *a fortiori* их свободы собраний¹⁴. Тем не менее, реакция национальных судов была непропорциональной при таких обстоятельствах дела, поскольку они продержали обвиняемую в предварительном заключении в течение года, несмотря на то, что через два месяца после задержания демонстрантов прокуратура отказалась от обвинения в особо опасном преступлении в виде попытки насильственного захвата власти и предъявила демонстрантам обвинение в совершении менее опасного преступления в виде участия в массовых беспорядках. Правда, национальные суды применили в качестве наказания минимальный срок лишения свободы, предусмотренный законом за преступление, вмененное заявителю, а впоследствии признали его условным с учетом того, что подсудимые добровольно компенсировали материальный ущерб, нанесенный их действиями, и «положительную характеристику» заявителя. Но национальные суды могли бы пойти дальше. Они имели три варианта действия: поддержать обвинение против заявителя и, воспользовавшись своей властью, применить срок лишения свободы ниже нижнего предела, установленного соответствующим законом; применить другое наказание, такое как штраф или исправительные работы (статья 64 Уголовного кодекса); воспользоваться своей властью и изменить обвинение во время процесса, судить заявителя за менее тяжкое преступление, не ухудшая при этом ее положение и не нарушая право на защиту (статья 252 § 2 Уголовно-процессуального кодекса). В конце концов, «положительная характеристика», которая подвигла суды сделать лишение свободы условным, могла бы также навести их на применение статьи 64 Уголовного кодекса. Законная насущная социальная потребность восстановления общественного порядка, осуждения и наказания за преступное поведение, чего добивались национальные власти, могла бы быть обеспечена без такого жестокого вмешательства в свободу заявителя на выражение мнения и связанное с этим поведение.

Заключение

12. Обвиняемая злоупотребила своей свободой на выражение мнения и связанное с этим поведение, когда присоединилась к группе людей, которые ворвались в здание Администрации президента в декабре 2004 года и нанесли ущерб оборудованию и зданию. Она была справедливо задержана и привлечена к суду. Но реакция российской

14. Хотя прокурор обвинял демонстрантов в том, что они «оттолкнули» нескольких охранников при входе, и несколько свидетелей подтвердили это обвинение, национальные суды не уточнили, как демонстранты вели себя по отношению к охранникам на входе в административное здание, или точное число охранников. Эти сведения имели бы существенное значение для вынесения приговора.

системы правосудия была чрезмерной с учетом ее предварительного заключения и приговора к трем годам лишения свободы. Эта чрезмерная реакция стала возможной в результате суровости и расплывчатости закона России о наказании участников массовых общественных беспорядков, а также вследствие широких возможностей усмотрения в применении к подсудимым наказания ниже низшего предела, установленного соответствующим уголовным законом. Поэтому мы приходим к заключению, что имело место нарушение статьи 10.

© Центр содействия международной защите, перевод на русский язык